

— Брат мой! Брат мой! Спаси его, он ведь ещё дитя!

— Ваше Величество! Умоляю тебя, как сестра! Пощади его, пощади, я буду служить тебе верой и правдой!

Его мать, старшая принцесса, не помня о своём достоинстве, стояла на коленях перед братом, держа сына за руку. Она рыдала так отчаянно, что волосы растрепались, умоляя брата сохранить жизнь её ребёнку.

Но тот оставался непреклонен и даже усмехнулся, взмахнув рукавом и оттолкнув её:

— Сестра, ты говоришь так легко. Если я пощажу его, кто пощадит меня?

С этими словами он подошёл к Тан Юаню и поднял его, словно цыплёнка.

— Этот мальчишка... ему не следовало рождаться. Сестра, скажи, как я мог позволить тебе родить? Как мог допустить, чтобы вы, «законные наследники», продолжили род? Ему следовало бы умереть, как старшему сыну из рода Юань.

— Но, сестра, в детстве ты любила меня больше всех. Пусть я... в общем, ты не помогала седьмому брату, и я помню твою доброту. Потому я дарю твоему сыну милость — пусть бежит. Если сумеет убежать, я не стану его преследовать.

Остальное Тан Юань уже не помнил. Запомнилась лишь адская боль, когда действовал яд. Приступы заставляли его кататься по кровати. Лекарство было горьким, и даже сладости не помогали. А чем больше он пил снадобий, тем чаще накатывала боль.

Пока родители метались в поисках врачей, словно муравьи на раскалённой сковороде, наконец появился его учитель.

Никто не знал, откуда взялся этот старик. Сначала мать приняла его за мошенника, но после того, как учитель подавил один приступ, все поверили этому неряшливому старцу.

— Учитель, умоляю, заберите моего сына. Не дайте ему больше страдать.

За год, что Тан Юань был отравлен, его мать выплакала все глаза, почти ослепнув от слёз.

— Не тревожьтесь, сударыня. Я не похищу ребёнка. Мне лишь нужно, чтобы он перенял моё дело. А что до яда и зрения — всё беру на себя. Будьте спокойны.

— Пойдёшь со мной?

Голос старика звучал удивительно молодо и живо, что резко контрастировало с его лицом, сморщенным, как высохшая корка апельсина. Но именно этот странный старик, когда подавлял приступы, касался ладонями, и они были тёплыми — будто струился тёплый источник, вливаясь из его рук в тело Тан Юаня.

Тан Юань вглядывался в окружающую его тьму, не понимая, кто с ним говорит. Мать подтолкнула его, вложив его руку в руку учителя, и сквозь рыдания произнесла:

— Тан Юань, иди. Иди с ним. Вернёшься ко мне, когда сможешь видеть.

Затем учитель привёл его в Долину Персикового Цвета. Целыми днями они практиковались под священным персиковым деревом, пили горькие отвары. Время тянулось медленно. Сначала

Тан Юань вёл счёт времени по запахам: персики цвели один сезон, потом другой. Потом он смог различать опадающие лепестки. Позже — взбираться на дерево и наблюдать, как лекари долины выращивают травы.

— Я сбежал, — сказал Тан Юань, оборачиваясь к Юань Сяо.

— Что?

— Я сказал: я сбежал. И больше не вернусь. И не впущу туда больше никого.

(Четырнадцать)

— Ну же, Тан Юань, ты опоздал! Три чаши в наказание, три чаши!

Когда Тан Юань поднялся на маленькую городскую башню, Ян Сян уже успел разогнать с неё всех посторонних. Он и впрямь становился похож на избалованного повесу. Ещё в детстве, когда они играли здесь, он мечтал занять лучший вид и не раз уговаривал друзей очистить место, но боязнь отцовского гнева останавливала его. Теперь, повзрослев, он наконец осмелел. Хотя отец по-прежнему строг, но уж на людях по крайней мере не станет лупить его.

Чжоу Фу же не изменился вовсе. Всё тот же маленький учёный, с аккуратным личиком и западными стёклами в очках — прямо как дитя.

— Шутишь? Ты же знаешь, какой у меня норов! После трёх чаш я так опьянею, что запросто сброшу тебя с этой башни, веришь?

Увидев друзей, Тан Юань расслабился, будто встретил родных. Улыбка его стала искренней. Он взметнул полу халата и уселся прямо на пол.

— Не выйдет! Заставил нас ждать — теперь пей, не отказывайся.

Ян Сян тоже радовался встрече. Хотя Тан Юань навещался в столицу во время лечения и они переписывались, с момента его выздоровления прошло уже много времени. Ян Сян скучал по другу, да и к тому же, будучи с детства своенравным, мало кого в столице уважал — потому и ценил старых товарищей особенно. Он подскочил с чашей, намереваясь влить вино Тан Юаню в глотку, но едва коснулся его подбородка — и вдруг отпрянул с глупой улыбкой:

— Э-э... Старший брат Юань, я... я просто пошутил с Тан Юанем.

Тан Юань, видя его испуг, обернулся и заметил Юань Сяо, медленно поднимающегося по лестнице с серьёзным лицом и кувшином вина в руке.

Ян Сян, завидя его недовольный взгляд, вжал голову в плечи:

— Старший брат Юань, виноват! Не бей!

— Ха-ха-ха, Юань Сяо, что ты с ним сделал, что он так трусит? — О, какое ароматное вино! Это же цветочная настойка от дяди Ли, правда? Дай-ка сюда!

Тан Юань привстал, уступая место Юань Сяо, выхватил у него кувшин и налил себе.

Вино было прозрачным, словно лунный свет, и отражало в себе месяц на небе. От него веяло зерновой свежестью — так и хотелось погрузиться в него с головой, утонуть в этой луне и не просыпаться.

— Сам на себя навёл. — У тебя слабая голова, меньше пей.

— Старший брат Юань, почему дядя Ли всегда даёт тебе вино, а мне даже за деньги не продаёт?

Ян Сян тоже ринулся отбирать кувшин. Зная, что Тан Юань не может много выпить, он налил себе полную чашу, а затем, несмотря на протесты, наполнил и Чжоу Фу.

— Эй, наливают — пей! Кто не знает, что ты — винный бочонок.

Чжоу Фу, не в силах отказаться, осушил чашу одним махом. Он пил как воду и ещё до прихода остальных успел опустошить изрядное количество кувшинов — теперь вокруг него высилась целая батарея пустой посуды. Но взгляд его оставался ясным, разум — трезвым, и он даже нашёл время уколоть Ян Сяна:

— Разумеется, потому что дядя Ли — управляющий семьи Юань, а старший брат Юань — её отпрыск. Ты же, брат Ян, всего лишь сосед. Откуда тебе взять?

Слова были правдивы, но задели Ян Сяна за живое. Он день за днём вдыхал аромат настойки, но мог лишь украдкой глотнуть у Юань Сяо — мучительное испытание.

— Маленький учёный, пей своё вино. Молчи — за умного сойдёшь.

Тан Юань, отхлебнув, тоже вступился:

— Ян Сян, не обижай нашего учёного. А то его поклонницы поцарапают тебя, и в садах больше ни одна певича для тебя спеть не согласится.

— Ага, значит, вы втроем против одного? Потому что я сговорчивый? Так знайте, — Ян Сян, переполненный обидой, встал и с видом героя, готового принять вызов, произнёс:

— Да, я сговорчивый. И что вы мне сделаете?

— Ха-ха-ха-ха...

Трое друзей переглянулись. Первым не выдержал Чжоу Фу — рассмеялся. Затем к нему присоединились Тан Юань и Юань Сяо. Тан Юань хохотал так сильно, что не удержал чашу, и драгоценная настойка пролилась ему на грудь.

Ян Сян сердито плюхнулся на место:

— Вам только надо мной потешаться. Вот подождите, когда я вознесусь, — играть с вами не стану!

— Ян Сян, напомнить тебе, что ты всё ещё стражник у городских ворот?

Тан Юань, смеясь, прислонился к Юань Сяо, покачиваясь от хохота.

— Говорю вам, скоро получу повышение!

— Тогда пожелаем тебе блестящего будущего!

Тан Юань поднял оставшийся кувшин, наполнил чаши всем четверым и первым поднял свою, обратившись к луне:

— За успехи брата Яна!

Остальные тоже подняли чаши. Даже Юань Сяо сделал одолжение. Четыре чаши звонко встретились.

— Желаю брату Яну великих свершений и стремительного взлёта!

— Желаю мне поскорее обогнать отца по чину!

И они выпили под серебряным светом месяца.

<http://bllate.org/book/16265/1463580>